

Моей матери

Я верю в розовый цвет. Я верю в то, что лучший способ сжигания калорий — это смех. Я верю в поцелуи, много поцелуев. Я верю в то, что нужно быть сильной, когда кажется, что все идет не так. Я верю в то, что счастливые девушки — самые красивые. Я верю в то, что завтра будет новый день, и я верю в чудеса.

Одри Хепберн

1

Молеон, наши дни.

На твой портрет я наткнулась в газете. У меня перехватило дыхание.

Это произошло в парикмахерской — вокруг болтали посетительницы, гудели фены. А я рассматривала твою фотографию, держа газету в дрожащих руках. Поварской колпак. Фартук. Мое сердце бешено колотилось, казалось, оно сейчас разорвется. Твой взгляд, твоя улыбка. Какой же ты стала красавицей!

«Лиз Клермон, любимый шеф-повар французов!»

Я проглотила интервью одним махом, не дыша. И тут же начала перечитывать, желая убедиться, что это правда. Журналистка осыпала тебя похвалами. Речь шла о твоём участии в жюри телеконкурса «Колпак шеф-повара». Судя по ее словам, я была единственной, кто не смотрел эту передачу. Правда, у меня и телевизора-то

нет. Что ж, сначала ты покорила наши сердца, а теперь стала настоящей знаменитостью.

Сидя с бигуди на голове, я плакала.

Последний раз я видела тебя перед домом мадемуазелей. Четырехлетняя девочка с плюшевым мишкой в руках. Я помню все так, будто это было вчера: твое заплаканное личико за окном автомобиля, увозящего тебя прочь... Тогда внутри меня что-то оборвалось.

До сегодняшнего дня я не знала, что с тобой стало. Улучив момент, когда парикмахер отвернется, я вырвала из газеты страницу.

Потом были долгие ночи без сна. Мне вспоминался твой смех, наши поездки на баскское побережье, твои песенки, поцелуи на ночь. И твоя маленькая ручка в моей руке.

Я так скучала по тебе, моя Лиз.

Наверное, тебя удивит моя фамильярность. Полагаю, ты ничего этого не помнишь. И уж точно не помнишь меня.

Сидя в одиночестве на кухне, я задавала свои вопросы луне. Что ты знаешь о своем происхождении? Нужно ли тебе рассказать? Или лучше схоронить все это в дальнем уголке моей памяти? Что бы ты сказала, узнав правду?

Я подумывала сесть на поезд до Парижа. Представляла, как пошла бы обедать в твой ресторан и, может быть, даже осмелилась бы поздороваться с тобой. Но потом я отказалась от этой идеи. Что может быть

общего у такой знаменитости, как ты, со старухой вроде меня?

Мое имя тебе ни о чем не скажет. Мое лицо и подавно.

Эти вопросы не дают мне покоя, и нет никого, кто помог бы найти на них ответы. Вот она, драма старости: мы остаемся один на один со своими сомнениями, а звезды не слишком-то разговорчивы. Поэтому сегодня вечером я решила написать тебе. Рассказать свою историю, которая отчасти и твоя. Не потому, что я стара. Не потому, что кроме меня уже больше некому. Не ради истины. Но во имя нежности и мужества.

Мадемуазели бы тобой гордились.

2

Все началось, когда мне было пятнадцать лет.

Все, что произошло в моей жизни, стало возможным благодаря Альме. Она — начало всего. И конец тоже. Альма — моя сестра, на год старше меня. Большие карие глаза, заразительный смех, губки-ягодки. Я же была худой, смуглой, с глазами олененка и вечно спутанными волосами. Сказать, что Альма была для меня всем, а я была всем для нее, — ничего не сказать. Она была мне не просто сестрой. Она была моим солнцем. А также луной, звездами и всеми планетами, вместе взятыми.

Мы жили в испанской деревушке в самом сердце Пиренеев. Забытый Богом уголок, о котором ты, Лиз, наверное, никогда не слышала, — и мало что потеряла. Пара продуваемых ветром мощных улочек, крыши с крутыми скатами и мрачная церковь — больше в Фаго не было ничего. Жители стремились оттуда уехать. Но куда? И с чем? Деревенским девушкам удавалось вырваться оттуда на зиму. На языке у них было только

одно слово: Молеон. Все они ждали осени, чтобы отправиться во Францию на фабрику по изготовлению эспадрилий. Пешком перебраться через горы и провести зиму в Стране Басков, чтобы заработать немного денег. Стать «ласточкой», как называли тогда сезонных работниц из Испании, и рискнуть жизнью ради узелка с приданым.

Нам с сестрой подобные мысли никогда не приходили в голову. Мы мечтали о приключениях, но к такому долговому и опасному путешествию были не готовы. Я хромала из-за перенесенной в детстве болезни. Что мне было делать в горах с больной ногой? И как оставить бабушку? Нашу Абуэлу. Она вырастила нас, окутала своей любовью и нежностью. Бабушка работала прачкой в гостинице в соседней деревне. Пока она стирала, нам удавалось что-нибудь перехватить на кухне. Мы с сестрой были лишены многого, но только не любви.

Фаго — это был совсем другой мир, Лиз. Бедный мир, но он наш. Я и представить себе не могла, что уеду оттуда. Но когда Абуэла заболела, у нас не осталось выбора. Она хотела отправить меня к своему брату. Альма могла бы устроиться горничной. Расстаться с Альмой? Эта мысль наводила на меня ужас. Моя семья состояла из больной бабушки и сестры. Как жить без них?

И вот однажды вечером я выдвинула эту безумную идею. Там, за горами — Франция. Мастерские по изготовлению эспадрилий и возможность заработать деньги на лечение Абуэлы. Мы позаботимся о ней, как она

всегда заботилась о нас. Мы вернемся весной с деньгами, которых хватит до следующего года. А там будет видно.

Простой план. Заманчивый. И рискованный.

Альма колебалась. Говорила, что Франция далеко, дорога туда опасна. Не лучше ли остаться с Абуэлой? Я настаивала. Шесть месяцев пролетят быстро, что мы теряем? Впереди нас ожидали свобода, легкие деньги и приключения! Рассказывали, что в Молеоне по воскресеньям на площади устраивают танцы, а французы просто красавцы. Конечно, у нас не было ничего общего с теми девушками, что отправлялись за кружевами для своего приданого, но мы будем вместе, так что бояться нечего.

Мой энтузиазм взял верх над сомнениями сестры. Ради меня Альма была готова на все. Вот как мы решились на путешествие во Францию, Лиз. Так все и началось.

3

Шел 1923 год. Первые дни октября принесли с собой морозный воздух. Девушек собралось не более десяти — все в черном, обутые в эспадрильи, с длинными косами, перекинутыми на грудь и перетянутыми темными лентами. Большинство из них отправлялось в путь впервые. Самой старшей, Кармен, исполнилось семнадцать, и для нее это было уже третье путешествие. Все, что нам было известно о Молеоне, мы узнали от нее. В прошлом году Кармен привезла оттуда простыни, кружева и фарфоровый сервиз. Достаточно, чтобы у всех ее подруг заблестели глаза. Ее широкие бедра и полная грудь резко выделялись на фоне худеньких фигур совсем юных девушек, кутавшихся в свои пальто.

Наше появление вызвало ропот и хмурые взгляды. Нам были не очень-то рады. Деревенские девушки нас не любили, но здесь всем заправляла Кармен. Она приветственно кивнула нам, чем заставила всех замолчать. Ее мать когда-то дружила с нашей. Может быть, та попросила свою дочь присмотреть за нами?

— Будет холодно, — только и сказала Кармен.

Рядом с девушками стоял, опираясь на палку, молодой человек в черной шляпе.

— В путь! Нельзя терять времени, — заявил он и, схватив веревку, которой был привязан мул, зашагал по дороге. Вдали, за горами, в светлеющем небе разгорался рассвет.

Девушки начали петь. Мои мысли устремились в Молеон. Накануне я поделилась нашими планами с учительницей. Она обеспокоенно нахмурилась: неужели нет другого решения? А потом грустно, понимающе улыбнулась. Последний день занятий вместо задач и диктантов она посвятила молитвам.

— Господи, защити Розу и Альму там, за горами, и сделай так, чтобы они к нам вернулись.

Наша группа обогнула кальверы и вошла в долину Ронкаль. Деревни у подножия гор были окутаны туманом. По дороге к нам присоединились несколько девушек из близлежащих деревень, иногда в сопровождении брата или отца. Разговоры становились все тише и тише. Перед нами простирался лес.

Густой воздух. Замерзшая земля. Пугающие тени. Я боялась волков, диких зверей, но твердо решила не показывать страх. Стиснула зубы. Ведь эта экспедиция была моей идеей.

Мы начали подъем в гору. Идти пришлось по мокрым и скользким камням, с громоздкой поклажей. У меня в узелке было немного стручковой фасоли.

У сестры — три килограмма белой фасоли и козье мясо. На руке у нее висела небольшая деревянная скамеечка, которая служила нам сиденьем во время остановок.

Я изо всех сил старалась не отставать. Тащила свою больную ногу, словно ядро на цепи. Но все же время от времени я ловила на себе обеспокоенный взгляд Альмы. И тогда я удваивала усилия, пытаюсь держаться в начале процессии. Так впереди меня оказался он.

Паскуаль.

Я внимательно рассматривала его широкие плечи, темные волосы на затылке. Когда он обернулся, проверяя, не отстала ли группа, мое сердце забилось быстрее. От изгиба губ до светло-зеленых глаз, от изящных рук до точеных скул — все в этом юноше, казалось, было создано каким-то божеством, ценителем красоты и идеальных пропорций. Альма и Кармен захихикали. Покраснев, я еще прибавила скорости и обогнала молодого пастуха, чтобы оставить их позади.

Так проходили долгие часы. Дубовые леса сменялись долинами и возвышенностями, щебетали ласточки. Уставшие, иногда они останавливались, усаживались на скамеечки группами по четыре–пять человек и отдыхали. Мыслями все были далеко, по ту сторону гор, где их уже ждали чудесные подарки и кружева, — Молеон был их маяком в ночи. В один из таких привалов Альма, Кармен и я оказались рядом с Паскуалем. От усталости мы валились с ног. Даже моя сестра приумолкла.

— Хочешь?

Он протянул мне полупустую кожаную флягу. Едва я надавила на нее, как струя едкой жидкости брызнула мне в рот. Хотя вино и обжигало гортань, я была рада, что Паскуаль обращается со мной как с взрослой. Я села на скамеечку и в подсознательном порыве кокетства спрятала больную ногу под платье.

Мы смотрели на тяжелое небо, обезглавившее Пиренеи. Этот горный пейзаж окружал меня с рождения, но никогда не надоедал. К запахам земли, листьев и камня, примешивался сладковатый аромат нигрителлы. Набравшись храбрости, я задала Паскуалю вопрос, который прозвучал строже, чем мне хотелось:

— А ты куда направляешься?

— В Аргентину.

Он достал перочинный нож, отрезал кусок манчего и протянул его мне — плотный и нежный, с орехово-сливочным вкусом. В животе у меня заурчало от голода. Я позволила сыру растаять на языке. В семье Паскуаля было девять мальчиков. Работников хватало, а вот денег — нет. Но на военную службу никто не стремился. Пастухи сотнями отправлялись на заработки в Америку. Будущие богатые дядюшки.

— Я дойду с вами до Франции, а потом отправлюсь на побережье.

Мысли о море придали его глазам особый блеск. Паскуалю исполнилось двадцать лет, он уже был мужчиной. Самым красивым парнем, которого я когда-либо видела. Хотя в то время я видела их не так уж много.

В воздухе аромат елей сменился запахом дрока. В небе над нашими головами медленно кружил стервятник.

— Надо идти, — бросил Паскуаль.

Мы снова двинулись в путь. Дорога была покрыта льдом, а чуть выше и вовсе исчезла под грудой снега. Я шла молча, прислушиваясь к разговорам старших, как вдруг моя хромая, плохо обутая нога заскользила по каменистому склону. Паскуаль поймал меня на лету.

— Осторожней! Здесь опасно!

Тепло его руки ненадолго задержалось на моем рукаве. Я задрожала. Перед нами лежало ущелье. Широкою зияющую пропасть пересекал подвесной мост.

— Мост через преисподнюю... — пробормотала Альма, вцепившись в мою руку.

Ходили слухи, что в этом лесу живут эльфы. Абуэла рассказывала нам с сестрой всякие легенды, так что мы, задув свечу, еще долго не могли заснуть. В моем воображении промелькнула череда диковинных сказочных существ. Мне послышался вой, казалось, в кустах кто-то шевелится.

— Не смотри вниз, — шепнула мне Альма.

Я, конечно, тут же ее послушалась. И закричала. Ущелье выглядело бездонным. Его пустота манила.

Какой-то звук вывел меня из ступора. На другой стороне моста появились несколько человек, кто-то из них держал в руке зажженный фонарь. Трое мужчин

и сгорбленная женщина — крошечный силуэт на фоне лесной зелени. У нее была странная шаркающая походка. Когда она подошла ближе, я разглядела растрепанные волосы и неподвижную руку, которую она крепко прижимала к груди, словно ребенка.

Женщина остановилась и пристально оглядела каждую из нас. Вдруг ее рот перекосялся в отвратительной гримасе, она указала на мою сестру и завизжала. Я вздрогнула, ласточки замерли в ужасе. Мы все сбились в кучку, мост закачался.

— Ну же! — крикнул Паскуаль с другой стороны.

Я в панике поспешила к нему. Эта ведьма была достойна всех сказок Абуэлы. По сей день я не могу забыть ее лицо.

Ночь мягко опускалась на горы. Мы шли и шли. Настанет ли когда-нибудь конец этому путешествию? Ни в чем уже не было уверенности. Путь до Молеона занимает два дня. Прошли ли мы уже хотя бы половину? Я едва стояла на ногах, руки болели. Ступни стерлись в кровь, я была не в силах идти дальше. И тут один из мужчин, шедших впереди, свистнул. На крыльце одинокой хижины блеснул свет. Горный приют. Наконец-то можно отдохнуть.

Мы провели в дороге почти двенадцать часов. Отцы и братья девушек повернули назад, забрав с собой мулов. Дальше они бы не прошли. Несколько слезинок, никаких объятий. Лишь рука на плече, кивок с пожеланием удачи. Граница была совсем рядом.

Мы съели на ужин немного фасоли, после чего свернулись калачиком под шерстяными одеялами в ожидании рассвета.

С первыми лучами солнца мы были уже на ногах. Недостаток сна оставил свой отпечаток на наших лицах. Только Альма с ее жизнерадостной улыбкой не подавала признаков усталости.

— К вечеру мы будем в Молеоне, — прошептала она, беря меня за руку. — Абуэла будет нами гордиться!

Название этого города яркими буквами светилось в ее воображении. Энтузиазм Альмы оказался заразительным — я встала, горя желанием наконец-то оказаться в Молеоне.

Однако впереди нас ждала самая сложная часть пути. Об этом нас предупреждали те, кто уже бывал здесь. Пограничный переход в Белагуа охраняли жандармы гражданской гвардии. Чтобы избежать встречи с ними, нужно было пройти неприметным, но более опасным путем.

В полумраке осеннего утра вдоль ущелья образовалась длинная цепочка. Тропинка была узкой, и по ней друг за другом двигались маленькие, хрупкие фигурки ласточек, сгибаясь от ветра. Пытаясь защититься от его резких порывов, я пристроилась за Паскуалем. Пастух время от времени оборачивался, проверяя, не отстали ли мы. Я робко улыбнулась ему, дрожа под плащом. Моя нога весила целую тонну.

— На испанской стороне дорога плохая, — крикнула Кармен, — но на французской еще хуже!

Тяжелые узлы оттягивали руки; дорога, покрытая снегом, шла у самого обрыва. В тумане не удавалось разглядеть ничего дальше метра от края. Над нашими головами кружили орлы — так близко, что мы могли дотронуться до них.

Мы долго шли молча. Вереница ласточек напоминала нитку бус из черного жемчуга. Держась руками за скалу, а иногда друг за друга, мы упрямо и сосредоточенно продвигались вперед. Внезапно Паскуаль остановился, оглядываясь по сторонам. На вершинах сгустились черные тучи.

— Надо найти укрытие! — крикнул он, придерживая шляпу.

Я смотрела на горы сквозь завесу дождя, хлеставшего по деревьям. Отвесная скала, несколько одиноких елей. И темное небо, почти поглотившее нас.

— Где? — прокричала я.

Порыв ветра унес мой вопрос. Раздался раскат грома, эхом отозвавшийся в горах. Вспыхнула молния.

Паскуаль указал на что-то похожее на овчарню. Я обернулась к Альме, державшей меня за руку. Дождь усиливался. Мы побежали, держа узелки с поклажей над головами и стараясь не поскользнуться, косы развевались по ветру. Я злилась на свою ногу, сковывающую движения. Узкая дорога вела вниз по краю ущелья, скользкий гравий замедлял наш спуск.

Я остановилась, чтобы отдышаться. Стоявший внизу Паскуаль махал рукой, подгоняя нас. Торопясь добраться

до него, я отпустила руку сестры. Внезапно небо рас-
секла молния, раздался адский грохот. От скалы отко-
лолся огромный кусок, с треском посыпались камни,
подняв столб пыли. Перепуганные ласточки замерли как
раз в тот момент, когда перед ними разверзлась бездна.
Все, кроме одной. Альма вскрикнула, потеряв равнове-
сие из-за своей поклажи. Ее рука тщетно искала опору.

И она исчезла, канув в пустоту.

4

— Ну, давай же, Роза! Двигайся, умоляю! — крикнул Паскуаль, крепко прижимая меня к себе.

Я превратилась в один бесконечный крик. Мое тело оцепенело. Застыло в ужасе, который больше никогда не покидал меня, из-за которого я до сих пор, много лет спустя, просыпаюсь по ночам от ветра, бьющегося в ставни.

Ласточки в оцепенении столпились на краю пропасти. Прижимаясь друг к другу, безутешно рыдая, они заглядывали вниз и выкрикивали ее имя: «Альма! Альма!» Ветер трепал их длинные юбки.

Паскуаль взвалил меня на спину. Он держал меня так крепко, что я не могла пошевелиться. Я больше не думала ни о путешествии, ни о Молеоне, ни об Абуэле. Я тоже только что умерла где-то здесь, в этих горах. Я кричала от ужаса. Тянулась всем телом к пустоте, поглотившей мою сестру и зовущей меня за ней вслед.

Необъятная пустота.

Незаполнимая.

5

Я не увидела города, притаившегося в долине. Не разглядела церкви с колокольней, реки, мостов, деревянных домов. Не почувствовала запаха свежего хлеба, когда ласточки проходили по главной улице. Не слышала ни стука копыт, ни прерывистого скрипа телеги, которая везла нас в наш новый дом.

Когда мы приехали, мое бесчувственное тело положили на кровать. Окутали шерстяными покрывалами, молитвами и четками. Я была так бледна, что поначалу в суматохе именно меня посчитали погибшей в горах.

Что, вероятно, отчасти было правдой.

6

Однажды утром дверь комнаты открылась, и на пороге появилась маленькая девочка с миской дымящегося супа. Она шла медленно, не отрывая взгляда от миски, боясь расплескать ее содержимое.

— Ты должна поесть, — сказала она своим детским голосом.

Был День Всех Святых, и за окном звонили колокола, отдавая дань памяти умершим. С тех пор как я покинула свою деревню, прошел уже целый месяц.

— Попробуй, это вкусно. Мама приготовила его для тебя.

Я разглядывала малышку, смотревшую на меня в полумраке. Озорные глаза, веснушки на носу. Одета в шерстяное платье с фартуком, на ногах деревянные сабо. Интересно, сколько ей лет? Она наблюдала за мной, спрятав руки за спиной, со смесью страха и любопытства.

— Хочешь посмотреть Гаспара? — спросила она вдруг, уперев руки в бока.

И, не дожидаясь ответа, выбежала из комнаты. Я закрыла глаза.

Альма. Горы. Дождь. Эта сцена вновь и вновь прокручивалась в моей голове. Я могла бы умереть здесь и сейчас, думала я. И от этого ничего бы не изменилось.

Вдруг послышался чудовищный грохот, и девочка — позже я узнала, что ее зовут Жанетта, — вернулась, таща за собой что-то на веревке. Огромное розовое существо с хрюканьем сбило ее с ног. Чудовище ворвалось в комнату, стало рыскать в темноте, тычась повсюду огромным рылом, и в конце концов засунуло его в мою миску. Ошеломленная, я уставилась на него круглыми глазами. Жанетта, сидя на полу, заливалась смехом. Свинья обнюхала простыни, мои волосы, мои ноги. Теперь мы уже хохотали вдвоем. Я смеялась до слез, испытывая странную смесь печали и нервного веселья.

Этот смех удивил Кармен, вошедшую в комнату.

— Как ты себя чувствуешь?

Я промолчала. Что я могла ей сказать? Я больше ничего не хотела, ничего не чувствовала, не знала, зачем я здесь. А главное, я убила свою сестру.

— Вставай, — сказала она.

Я с опаской откинула одеяло. Подошел Гаспар — огромный, неуклюжий — и уставился на меня своими маленькими черными глазками. Это выглядело странно — казалось, животное подбадривало меня. Я поймала взгляд Жанетты и попыталась встать, но моя

хромая нога, еще слабая, подвела меня. Пошатнувшись, я упала на пол. Девочка бросилась мне на помощь.

Кармен швырнула на кровать черное платье, платок и фартук.

— Заплети косы. Нас ждут в мастерской.

7

Когда я вышла из дома, у меня немного закружилась голова. Вдали виднелись горы.

По телу пробежала дрожь. *Альма, где ты?*

А Абуэла? Ей кто-нибудь сообщил? Нужно ли ей написать? Кто прочтет ей мое письмо? И как его послать?

— Давай скорее! Еще опоздаем из-за тебя! — сказала Кармен, и небольшая группа ласточек двинулась в путь.

В этом доме нас жило шестеро. Смерть Альмы не сблизила нас, просто их неприязнь сменилась безразличием. Я не могла их винить. Я не заслуживала сочувствия. Ни их, ни чьего-либо еще.

Девушки были в хорошем настроении, непринужденно болтали между собой, словно трагедии, разыгравшейся в горах месяц назад, никогда и не было. Все их разговоры крутились вокруг мастерской. Говорили о зарплате, которую скоро должны выдать, и конечно же, снова и снова — о приданом.

— Тебе восемнадцать, не забывай, — сказала Кармен.

Кто же в это поверит? В черном платье я выглядела совсем крошечной, но кивнула, не желая ей перечить. Мне хотелось, чтобы она обняла меня, погладила по голове, утешила. Но Кармен просто проверила, чистые ли у меня руки. Я заметила, что она поправилась. Ее грудь, на которую падали длинные косы, туго перетянутые черными лентами, казалась тяжелей, чем раньше.

Мы дошли до центра города. Велосипеды, конные экипажи и повозки, запряженные коровами, пытались пробиться сквозь толпу, заполонившую тротуары. Сотни рабочих, в основном женщины, стекались к мастерским.

На дворе были двадцатые годы, золотой век эспадрилий. Представь себе, Лиз, тысячи рабочих в этом захолустном баскском городке. Работа была везде и для всех.

Вдруг раздался гудок. Все головы повернулись в сторону сверкающего чудища. Я застыла на месте. *Что это еще за штуковина?* Кармен подтолкнула меня локтем.

— Закрой рот, ты похожа на рыбу, вытащенную из воды!

За рулем сидел лысеющий мужчина с пышными усами и сигарой в зубах.

— Это автомобиль, — бросила мне Кармен в ответ на мой немой вопрос. — А он — хозяин мастерской.

Меня подтолкнули, и я снова зашагала. Мы влились в толпу, которая направлялась к реке. Там, в конце улицы, располагалось огромное здание. Я никогда не видела ничего подобного. Даже церковь в моей

деревне не могла с ним сравниться. Я-то представляла себе обычную швейную мастерскую! *Боже мой!* На фронто-не огромными буквами было написано: «ГЕРРЕРО».

Лестничный пролет. Просторный зал с высокими круглыми окнами. Пахло джутом, тканью и по́том. Но еще больше, чем запах, меня удивил шум. Что-то гудело и скрежетало, казалось, какой-то великан полощ-ет свою глотку.

Через всю комнату тянулись два стола. С каждой стороны десятки рабочих. Справа местные женщины — высокие шиньоны и светлые блузы, — работавшие на швейных машинках. Слева ласточки — косы и чер-ные платья — с иглами в руках. В общем гаме перепле-тались баскский, испанский и французский языки.

Кармен подошла к мужчине, который наблюдал за работницами, скрестив руки. Маленький, круглоли-цый, с жирной кожей, он был одет в рубашку на пугови-цах, обтягивавшую выпирающий живот, на голове был черный берет. *Санчо Панса, толстый простоватый спут-ник Дон Кихота!* Я вдруг вспомнила об Альме, которая познакомила меня с этим героем. Я снова увидела ее улыбку, наш дом, морщинистое лицо Абуэлы, и у меня внутри все сжалось.

— Здравствуйте, месье, — сказала Кармен с неверо-ятым почтением в голосе. Я и не подозревала, что она способна на такое. — Это Роза да Фаго. Где ей можно устроиться?

Санчо, нахмурившись, уставился на меня.

— Почему ты явилась только сейчас? Ты сестра той девчонки, что погибла в горах?

Ком в горле не дал мне ответить. Он рассматривал меня своими темными глазами, поглаживая усы.

— Лет-то тебе сколько?

— Восемнадцать, — ответила Кармен, не дожидаясь, пока я снова обрету голос.

Молчание. Бригадир не был дураком. Он колебался. На фабрике работали сотни женщин, но их все равно не хватало. В этом году нужно будет произвести двести пятьдесят тысяч пар эспадрилий. А в то самое утро он как раз получил большой заказ с шахты на севере Франции. Там рабочие изнашивали по паре в неделю.

Он снова окинул меня взглядом. Бледная и тщедушная, я походила на олененка. Что я собиралась производить этими крошечными ручками?

— Покажи ей, что к чему, и поглядим, что у нее получится, — пробурчал он в конце концов.

Кармен взяла дюжину подошв и села на свое место. Позади нее громоздились огромные рулоны полотна. Казалось, что девушки вот-вот утонут в море ткани.

Испанкам платили сдельно. Восемь су за упаковку из пяти дюжин эспадрилий. Нельзя было терять ни минуты.

8

— Вот это подошва, — объяснила мне Кармен, беря в руки джутовую плетенку. — Их делают в другой части фабрики. Мы здесь добавляем верх из парусины. Верхняя часть называется союзка.

Быстрая речь, отточенные движения. Я сосредоточенно пыталась все запомнить. Особенно названия. Хотя я и знала язык, эти термины были для меня новыми. *Плетенка. Парусина. Союзка.*

— Полотно выдает один из работников, — указала она на узкие полоски ткани. — Все отсортировано по размерам. Смотри, не перепутай!

Я сглотнула. Гул давил на меня, я боялась ее подвести, я уже не была уверена, что мне вообще следует быть здесь. С другого конца комнаты за нами наблюдал Санчо.

— Ты будешь сборщицей, как я.

Она взяла специальную плашку, похожую на толстую перчатку, прикрывающую ладонь, и большую иглу.

— А другие? — спросила я, не сводя глаз с черных блестящих чудовищ, издающих адский шум.

— Сшивальщицы.

Мне дали самую тяжелую работу. Ту, что оставляли для испанок.

— Начинаешь сбоку. Работаешь маленькими плотными стежками. Двигаешься к носку, делаешь складку, укрепляешь, затем переходишь к пятке. Носок и пятка.

В ее ловких руках ткань обернулась вокруг подошвы и прикрепилась к джуту. Подошва превратилась в обувь.

— Носок и пятка, — повторила она.

Я в восхищении наблюдала за ней. Ее руки порхали вокруг плетенки. Их движения завораживали. Кармен указала на пару подошв.

— Теперь ты.

Уже?

— Я не...

Кармен бросила на меня взгляд, не допускающий возражений. Затем снова погрузилась в работу.

Как мне справиться с этим? Как выдержать ритм? Я даже пуговицы пришить не могла! В деревне всем занимались Альма и Абуэла. Я рассчитывала на помощь сестры, на ее терпеливые объяснения, на взрывы смеха и поддержку. И еще Санчо Панса, он не спускал с нас глаз! Что будет, если я ошибусь? Меня отправят обратно в Испанию, совсем одну?

Я искала глазами дверь. Горы тканей тут и там, везде. Обрывы, ущелья. Кружащиеся орлы. Скала. Снег. Порыв ветра.

Крик падающей Альмы.

Я задыхалась.

Кармен схватила меня за руку и силой усадила на стул. Пристально посмотрела мне в глаза.

— Я за тебя отвечаю. Держи себя в руках и не создавай проблем.

9

Прозвучал удар колокола. Одна за другой машины остановились. Вокруг расстиралось море ткани. Едва сдерживая крик боли, я распрямила свое зажатое между столом и скамейкой тело. Больная нога затекла. После нескольких часов неподвижности я едва могла ею шевельнуть. Я захромала, спеша присоединиться к потоку темноволосяных работниц, который устремился к выходу.

За день мне удалось сшить пять пар. Из них только тригодились на продажу. Мне казалось, меня избили колотушкой, которой Абуэла отбивает простыни при стирке.

В одно мгновение главную улицу заполнили толпы рабочих, хлынувших на тротуары. Кармен решительным шагом направилась к булочной. Я едва попевала за ней.

— Пошевеливайся, не то придется часами в очереди стоять!

Внутри были разложены золотистые багеты, хрустящая выпечка, воздушные пирожные, увенчанные облачками крема. Восхитительно.